

and because we can assume the identity of concepts «sunset» and «crisis» in the constructions of the German philosopher, then, respectively, and the crisis is seen as a «phenomenon».

Learning the «great crisis of modernity» implies methodological aspect . On the one hand - it is questioning the modern man and focus on the metaphysical context of the era. On the other hand - the understanding that there is a crisis in philosophy, and in this regard the need to find a new method to the point of historical and philosophical. This method - the «method of comparative historical morphology» is for analysis of the crisis of contemporary culture. Spengler also has a modern skepticism, historicity in essence, for the analysis of the philosophical aspects.

Crisis of culture , in terms of Spengler, due to the emergence of a «world city» and the «masses». German philosopher leads the features characteristic of the «great crisis of our time».

Most clearly historical- political theme consideration the phenomenon of the crisis manifested in the constructions of the German philosopher, when he analyzes the social development of the Middle Ages and modern times. Here crisis can be represented in the form of «war of succession» or in the form of a compromise.

The study of the phenomenon of the crisis in Spengler's philosophy can formulate the following conclusions: 1) methodological aspect is realized through the recognition of completion of a systematic and ethical philosophy , as well as the need for a new methodology. It assumes the existence of modern philosophy precisely as the history of philosophy and the main tool is planned modern skepticism, historicity in its essence. Spengler also proposes the use of «boundary» method - the «method of comparative historical morphology»; 2) «crisis of modernity», which the German philosopher writes about - is not only a crisis of culture (through meaningful problem «world city» and «mass»), but also a crisis of philosophy, as well as historical and political crisis.

The prospect of further studies may be that the analysis of the phenomenon of the crisis in philosophy of Spengler may expand. Including through the implementation of historical and philosophical studies by considering the phenomenon of the crisis in the constructions of other members of the «philosophy of life» (Bergson , G.Simmel etc.).

Key words: crisis, a crisis of culture, a crisis of philosophy, methodology, skepticism, comparative historical morphology, phenomenon.

Надійшла до редколегії: 28.03.2014

УДК 111.82

М. С. Ковалець

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

КОРЕЛЯЦІЯ ОБ'ЄКТІВ І ГІПЕР-ОБ'ЄКТІВ В НОВІЙ МЕТАФІЗИЦІ

Проаналізована кореляція ідеальних, реальних, чуттєвих об'єктів і гіпер-об'єктів в новій метафізиці. Постулюється необхідність заміщення проблематики простих об'єктів гіпер-об'єктами, посилюючись на події, що відбуваються у глобалізованому світі.

Ключові слова: гіпер-об'єкт, інструментальний аналіз, реконструкція заміщення, нова метафізика, об'єкт

Актуальность рассмотрения корреляции объектов и гипер-объектов в новой метафизике опосредована необходимостью выявления их истинных отношений исходя из отказа от догматической картины мира. Отказ от догматизма опосредован тем, что его механизмы не срабатывают в XXI веке. Новая метафизика всецело поглощена в корреляционное взаимоотношение идеальных (чувственных), реальных объектов и гипер-объектов. Данная проблематика реализована в современном философском направлении – спекулятивном реализме, в частности, в книге Грэма Хармана «Хайдеггер и метафизика объектов», в статье «О замещающей причинности» и в основном труде Тимоти Мортон «Гипер-объекты: философия и экология после конца света». Харман отталкиваясь от идеальных объектов Гуссерля, рассматриваемых им в его «Логических исследованиях», трансформирует их в чувственные объекты, при этом привязывает к ним ряд новых характеристик. Реальные же объекты, исследуемые в работе Хайдеггера «Исток художественного творения», Харман преобразовывает в инструменты, с помощью Хайдеггеровского инструментального анализа. На данный момент конечную цепь объектов завершают гипер-объекты, представленные в новой метафизике Мортон. Предмет данного исследования: новая метафизика с ориентацией на объектные отношения. Объект: корреляция об-

ектов внутри новой метафизики. Задача: раскрыть конститутивные аспекты новой метафизики как проекта освобождения от классического догматизма.

Новая метафизика противостоит догматической метафизике. Еще Кант заложил основы противостояния догматизму, так как человек существо сомневающееся, и занимает в этом мире всего-то роль субъекта, и, исходя, хотя бы, из этого, он не способен познать истинную сущность окружающего его мира, не говоря уже об истине за его границами. Уже в эпоху немецкого гения, метафизика утратила свою авторитетную позицию, которую она имела во времена царствования в античности. И это подтверждается в основном труде Канта: «... благодаря чему все вновь впадало в обветшалый, изъеденный червями догматизм, поэтому метафизика опять стала предметом презрения, от которого хотели избавить науку. В настоящее время, когда (по убеждению многих) безуспешно испробованы все пути, в науке господствует отвращение и полный индифферентизм – мать Хаоса и Ночи...». [4, с. 8]. Но считать метафизику, по Канту, «источником заблуждений», который необходимо устранить, – я не считаю правомерным, так как нет настолько первоначально фундаментальной системы, которая смогла бы разрушить влияние метафизики на мировое развитие истории философии. В своей «Философии природы», Гегель описывает метафизику как ту область знания, которая представляет собой весь спектр универсальных определений мысли, так сказать уподобляется чистому алмазу, которые первоначально несет в себе истинный смысл. Каждое образованное сознание имеет свою метафизику, инстинктивное мышление, абсолютную силу внутри себя, которую мы используем в качестве объекта нашего сознания. Гегель писал, что там, где вырождаются цветы, не может жить человек. Но, цветок являет собою конечное существование, и, следовательно, не может быть подходящим объектом философии, но он может служить прекрасным примером для иллюстрации философских законов. Если рассматривать цветок, то наше понимание отмечает его особенности, химия расчленяет и анализирует его. Таким образом, мы отделяем цвет, форму листьев, лимонную кислоту, эфирное масло, углерод, водород и т. д., а теперь мы говорим, что установка состоит из всех этих частей. Этот вопиющий разрыв требует, чтобы мы стали более осведомлены о надлежащей оценке интуиции (чувственное восприятие) и его отношение к рациональному мышлению, и то, как мы можем преодолеть этот раскол. Мы догадываемся, что Вселенная представляет собой органическое целое и эта совокупность проникнута разумом, и он также чувствует себя в единстве с самим собой. Но даже если бы мы собрали все ингредиенты цветка воедино – результат все равно не-цветок. Мы явно хотим понять, что это за универсальность, которая осуществляет сама себя, а также содержит значение. Метафизика утверждает то, что мы не можем знать объекты, так как они абсолютно закрыты для нас. Понимание знакомит нас с объектами, но не в их чувственном существовании, содержании, а так сказать, в их форме, практической универсальности. В какой-то мере, данную трансформацию метафизики можно уподобить принципу деструкции, предложенного Хайдеггером. Автор пишет: «Если для самого бытийного вопроса должна быть достигнута прозрачность своей ему истории, то требуется расшатывание окостеневшей традиции и отслоение наращенных ею сокрытий. Эту задачу понимаем как проводимую по путеводной нити бытийного вопроса деструкцию наследованного состава античной онтологии до исходного опыта, в каком были добыты первые и с тех пор ведущие определения бытия». [5, с. 19]. Таким образом, возрождение новой метафизике на почве классического догматизма не нивелирует правомерность последнего, но не является ни позитивным, ни негативным преобразованием.

Следует начать с дескрипции идеальных объектов исследуемых Эдмундом Гуссерлем. Необходимо разъяснить различие между реальными и идеальными объектами: «Надо ясно понять, что же такое есть это идеальное само по себе и в его отношении к реальному, как может быть установлено соотношение между идеальным и реальным, как идеальное присуще реальному и познается в нем. Основной вопрос заключается в том, действительно ли идеальные объекты мышления – выражаясь по-современному – суть лишь указания сокращенные ради «экономии мышления» способов выражения, которые, будучи сведены к своему собственному содержанию, распадаются на сплошь индивидуальные единичные переживания, на сплошь

представления и суждения о единичных фактах». [2, с. 166]. Понимание различие реального и идеального, у автора, предполагает правильные понятия очевидности и истины. Гуссерль пишет: «Очевидность же есть именно не что иное, как «переживание» истины. Истина переживается, конечно, только в том смысле, в каком вообще идеальное может быть (переживанием) в реальном акте. Другими словами, истина есть идея, единичный случай который есть актуальное переживание в очевидном суждении. Очевидное же суждение есть сознание первичной данности». [2, с. 167]. Таким образом, все что наличествует в нашем сознании несет в себе потенциальный характер, а не реальный. Гуссерль вводит феноменологическое различие самостоятельных и несамостоятельных объектов. Здесь можно провести параллель между первичными и вторичными качествами восприятия действительности. Скажем, первичным, идеальным или же самостоятельным является нечто конкретное независимое от субъективной оценки. А вот несамостоятельным объектом является то, что имеет прямое отношение к субъективному схватыванию, к примеру, звук, вкус, запах, цвет – несамостоятельные, а поэтому не идеальные объекты. так как мы не можем заметить эти качества сами по себе неотделимо от конкретного самостоятельного объекта, например, дерева. Данный пример и приводит Гуссерль: «Пространственный образ чувственно воспринимаемого дерева как такового, если его рассматривать точно в таком виде, в каком он присутствует как момент в интенциональном предмете данного восприятия, не есть геометрическое построение, не есть нечто «идеальное» или «точное» в смысле геометрической точности. Равным образом созерцаемый цвет как таковой не есть идеальный цвет, вид которого – это идеальная точка в «теле цвета». Сущности, схватываемые в созерцаемых данностях посредством прямой идеации, суть «неточные» сущности, и их не следует путать с сущностями «точными», которые являются идеями в кантовском смысле и возникают благодаря своеобразной «идеализации» (к таким сущностям относятся, например, «идеальная» точка, поверхность, пространственная фигура или цвет как «идеальный» вид в «идеальном» теле цвета)». [3, с. 221]. Следовательно, идеальные объекты Гуссерля – это конкретные самостоятельные объекты, которые субъект способен интенционально воспроизвести в своем сознании, и при этом выявить в них дополнительные несамостоятельные качества. Человек – существо чувствующее и тонко воспринимающее окружающую действительность и заполняющее его объекты, поэтому и объекты наделяются чувственностью, и таким образом, предстают пред нами феноменами, данными нам в чувственном сознании. Грэм Харман в своей работе «О замещающей причинности» пишет: «В то время, как Гуссерль основывает свою систему идеальных объектов (которые я буду наименовать чувственными объектами), Хайдеггер восстанавливает реальные объекты в философии с помощью своего знаменитого анализа объектов (toolanalysis). Легко догадаться, что эти два типа объектов различны и в то же время дополняют друг друга. Взаимодействие между реальными и чувственными объектами представляют онтологию с радикально нового ракурса. В инструментальном анализе Хайдеггера, мы находим, пожалуй, наиболее прочное понимание философии XX века. Наши первичные отношения с объектами заключаются не в их восприятии или теоретизации, а в полагании в них некоей скрытой цели. Если мы по-прежнему находимся на данном этапе, то может показаться, что вся теория, по Хайдеггеру, основана на практике, и что мы должны каждый день вступать в определенные отношения с леопардами или кислотами, прежде чем разработать учение о них. Но даже наше практическое отношение к этим объектам не дает нам возможности понять их в полной мере». [7, с. 191]. Следовательно, инструментальный анализ Хайдеггера дает нам возможность разорвать классическое отношение между веществом и отношением. Когда что-то «настоящее – athand» присутствует здесь пред нами, то это значит, что данный объект зарегистрирован через последующие отношения: восприятия, теоретизации, практики или чистой причинности. Далее Харман пишет: «Гуссерль подчеркивает интенциональность сознания, то есть мы всегда сосредоточены на чем-то или ком-то и вообще на множестве объектов. Для Гуссерля, единственно строгим методом, который дает возможность описать, как мир дан сознанию до всех теорий. Философия

теперь изучает явления, а не реальные объекты. Но явления являются объектами, но уже на идеальном уровне. Мы сталкиваемся с миром разбитым на куски: деревья, почтовые ящики, самолеты, скелеты... лежат перед нами, и вызывают определенные настроения. Поскольку мы говорим исключительно о феноменальной области, то не имеет значения являются ли эти вещи галлюцинациями или нет». [8, с. 194]. Автор подчеркивает, что философия Хайдеггера немислима без работ Гуссерля. Феноменология последнего должна просто описывать окружающий мир. Когда мы слышим взрыв, мы слышим просто взрыв, а не волны вызывающие вибрацию в барабанной перепонке и передачу сигнала в нервную систему. Говоря более технически, феноменология выносит за скобки мир природы, для того, чтобы сосредоточиться исключительно на объекте, как он предстает перед нами. Для Гуссерля не имеет смысла говорить о реальных объектах, лежащих за пределами феноменального поля. Но мы не должны забывать, что Гуссерль вводит новый и глубокий дуализм в феноменальную область, поскольку он отвергает обычный эмпиризм, утверждая, что яблоко просто «пучок качеств» (красное, гладкое, сладкое, сочное) произвольно связанных друг с другом в человеческом разуме с помощью обычаев или привычки. Для Гуссерля, чувственные объекты никогда не связаны с качествами, через которые они представлены, так как дом или сообщение можно рассматривать с помощью бесчисленных профилей, при этом не теряя рассматриваемый объект с поля нашего зрения. Инструментальный анализ Хайдеггера утверждает то, что реальные объекты лежат далеко за рамками человеческого сознания. Ключ к достижению надлежащего отношения (корреляции объектов) лежит в дистанции, которая регулирует возможность сближения объектов. Другими словами, мир существует отдельно от человеческого доступа к нему. Термин «вещь» противопоставляется «объекту». В вещи заложено позитивное значение, в объекте же негативное. С одной стороны, кувшин это вещь, а не объект, так как он существует сам для себя, то есть в нем заложена независимая позиция, которая отделяет его от объекта. Или же к примеру, реальные объекты Хайдеггер иллюстрирует на примере башмаков написанных Ван Гогом метафорично скрывающих одиночество художника, и башмаков, которые носит крестьянка для работы в поле. Автор пишет: «Дельность изделия хотя и состоит в его служебности, но сама служебность покоится в полноте существенного бытия изделия. Мы это бытие именуем надежностью. В силу этой надежности крестьянка приобщена к немолчающему зову земли, в силу этой надежности она твердо уверена в своем мире... Отдельное изделие, если им пользоваться, изнашивается и истрачивается, но вместе с этим использованием и самое использование используется, изнашиваясь и делаясь обыденным. И так само бытие изделия приходит в запустение и опускается. Такое опустошение дельности есть убывание надежности. ... Истираясь и страчиваясь, обыденность изделия начинает выпирать наружу как единственный и будто бы единственно возможный для изделия способ бытия». [6, с. 119-120]. То есть только надежность показывает нам истинную сущность изделия. Истина в творении. С помощью своего инструментального анализа, Хайдеггер и пытается преобразовать объекты в инструменты. И таким образом, используя анализ инструмента, мы приходим к тому, что то, что казалось только что было для нас вещественной вещью (кувшин, башмаки) трансформируется в объект с помощью нашего представления. Внешнее представление вещей никогда не покажет нам их истинную внутреннюю жизнь. «наука уничтожила вещи задолго до того, как взорвалась атомная бомба. Этот взрыв является самым грубым из всех подтверждений уничтожения вещи, которое произошло давно: подтверждении вещи является недействительным. Но не только наука виновна в этом. Вся история философии вращается вокруг присутствия, то есть ложной близости. Далее Харман приводит пять различных видов отношений между вышеупомянутыми объектами:

1. Сдерживание. Намерение которое содержит, как и мое настоящее я, так и чувственное дерево.

2. Смежность. Различные чувственные объекты лежат бок о бок, и при этом не влияют друг на друга, лишь изредка они сливаются или смешиваются. К примеру, любые чувственные объекты могут быть перемешаны, и при этом не повреждать

идентичность объекта, подобно как дрейфующие туманы не мешают моей акцентуации на дерево.

3. Искренность. В этот самый момент я поглощен или очарован чувственным деревом, даже если мое отношение к этому цинично и манипулятивно. Намерение в том, чтобы обеспечить театральную площадку для моей искренности. И вследствие этого, я расходую свою энергию в принятии дерева серьезно, в то время как оно не может дать мне пользы, так как оно не реально.

4. Подключенность. Намерение в целом должно возникать из реальной связи реальных объектов, хотя и в косвенном подключении. В конце концов, различные возможные комбинации дают совершенно разные результаты. Два чувственных объекта, например, две ветряные мельницы, являются лишь декорацией намерений, а не самим намерением. Таким образом, реальные объекты возникают благодаря отношению других реальных объектов через неизвестные замещающие друг друга (косвенные –vicarious) средства.

5. Отсутствие отношения. Это обычное состояние вещей. Реальные объекты не имеют прямой связи, да и вообще большинство не имеет никакого эффекта друг на друга. Даже закон всемирного тяготения относится только к узкой среде физических объектов. Или чувственное дерево не имеет никакого отношения ко мне.

«Vicarious» означает, что объекты противостоят друг другу по доверенности через чувственный профиль внутри другого объекта.

«Ассиметричный» означает, что начальное противостояние всегда разворачивается между реальным объектом, с одной стороны, и чувственным, с другой.

«Буферный» означает, что я не сливаюсь с деревом, и дерево не сливается со своими чувственными соседями.

И теперь мы получаем пять видов объектов: реальное намерение, реальное Я, реальное дерево, чувственное дерево, чувственный шум.

И пять различных видов отношений: сдерживание, примыкание, искренность, соединение и отсутствие отношения.

Кроме того, у нас есть три прилагательных, которые разворачиваются внутри объекта: уполномоченный, ассиметричный и буферный.

И три различных вида шума окружающего чувственный объект: качество, случай, отношение. Автор указывает: «Хотя это и не может быть исчерпывающим описанием реальности, но данная модель предоставляет возможность выявить те элементы, которые мы упускаем из виду, и которые нам еще предстоит выяснить, к примеру, как один тип отношения переходит в другой, или как новый реальный объект, парадоксальным образом, возникает из взаимодействия между реальным объектом и чувственным». [9, с. 201].

В 2010 году Тимоти Мортон, участник движения объектно-ориентированной философии, ввел термин «гиперобъекты», для того, чтобы объяснить расположение объектов во времени и пространстве, которые превышают локальные пределы, к примеру, это климатические изменения или глобальное потепление. Гиперобъекты наделены пятью характерными чертами:

1. Вязкость. Гиперобъектам свойственна ироническая дистанция. Они находятся в сцеплении с другими объектами, не смотря на сопротивление последних. Следовательно, чем больше объект пытается сопротивляться гиперобъекту, тем более приклеенным к гиперобъекту он становится.

2. Расплавленность. Гиперобъекты настолько массивны, что они опровергают идею того, что пространство и время афиксировано, конкретно и последовательно.

3. Нелокальность. Гиперобъекты столь массивно распространяются в пространстве и времени, что их совокупность не может быть реализована в конкретном месте. Например, глобальное потепление является гиперобъектом, которое воздействует на метеорологические условия, которые приводят к формированию торнадо. Тем не менее, по Мортону, объекты не чувствуют глобального потепления, но вместо этого испытывают повреждения в определенных местах вызванные торнадо. Следовательно, нелокальность описывает каким образом гиперобъект играет более существенную роль, чем проявление, коотрое он производит в определенном месте.

4. Поэтапность. Гиперобъекты занимают более высокое мерное пространство, чем то, которое может воспринимать субъект. То есть, гиперобъекты появляются, приходят и уходят в трехмерном пространстве, но при этом будут выглядеть поразному для наблюдателя.

5. Интеробъективность. Гиперобъекты формируют отношения между объектами. Объекты воспринимаются на отпечаток или след, а гиперобъекты – через другие объекты, которые несут в себе информацию. Например, глобальное потепление, как образование при взаимодействии с Солнцем, ископаемым топливом и диоксидом углерода, среди других объектов. Тем не менее, глобальное потепление прослеживается через уровни выбросов, изменения температуры и уровня океана, что придает ему свойство научной модели.

С точки зрения Мортон: «Именно мы люди и производим эти гипер-объекты, то есть вещи которые не разрушаются и преодолевают наши личную смерть. К примеру, пенополистирол, плутоний... Разрушая мир и все больше вовлекаясь в этот процесс, Мортон табуирует гипер-объекты, так как жизнь и смерть сегодня требует новых форм коллективной и духовной близости. Чтобы жить и противодействовать нашему медленному самоуничтожению мы должны заботиться о себе и о нашей планете... К сожалению, мы утратили мягкую, иррациональную, авторитарную природу. Мы действительно утратили ее, потому что она никогда не существовала». [10, с. 130, 133].

Таким образом, конститутивные аспекты новой метафизики как проекта освобождения от классического догматизма заключены в корреляционном взаимоотношении объектов, берущих свое начало в классической картине мира, и объектов, эволюционирующих в артефакты новой рациональности или же гипер-объектов. Это чувственные объекты, или же идеальные, классификация которых берет свое начало в интенциональной субъективности начала XX столетия, и исследуется в философии интерсубъективности Гуссерля, и более обширно развита в концепции чувственных объектов Хармана. В противовес данному направлению выстроено учение Хайдеггера о реальных объектах, а точнее, восстановление этих объектов в настоящей реальности присутствия. Реальные и идеальные (или же чувственные) объекты не противостоят друг другу, и ни сколько не принижают собственные достоинства, а наоборот дополняют друг друга, то есть находятся в определенном взаимодействии. Данное переплетение объектов приводит к новой парадигме отношений, которые представлены в объектно-ориентированной философии Хармана. Глобализация современной философии такова, что мы не можем вести опосредованное размышление об объектах, не обращая внимания на возникновение нового феномена на арене новой метафизики, а точнее, феномена гипер-объектов.

Библиографические ссылки

1. Гегель Г.В.Ф. Философия природы / Гегель Г.В.Ф. // Энциклопедия философских наук. – М. : Мысль, 1975. – Т.2 – С. 695
2. Гуссерль Э. Прологомены к чистой логике / Э. Гуссерль // Логические исследования. – М. : Академический Проект, 2011. – Том I. – С. 253
3. Гуссерль Э. Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль // Логические исследования. – М. : Академический Проект, 2011. – Т. II. – Ч.1. – С. 565
4. Кант И. Критика чистого разума / Кант И. // Сочинения в 6 томах. – М. : Мысль, 1994. – С. 591
5. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Х. : «Фолио», 2003. – С. 503
6. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – М. : Академический Проект, 2008. – С. 528
7. Graham H. On Vicarious Causation / Harman Graham // Collapse II. –2007. – pp. 187-221
8. Graham H. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects / Harman Graham. – Chicago : Open Court, 2002 – 256 p.
9. Graham H. Falmouth. On the horror of phenomenology: Lovecraft and Husserl, in Collapse IV / Harman Graham. – UK : Urbanomic, 2008.
10. Timothy M. The Ecological Thought / Morton Timothy. – Cambridge : Harvard University Press, 2010. – P. 184–186

Ковалец М.С. Корреляция объектов и гипер-объектов в новой метафизике
Проанализирована корреляция идеальных, реальных, чувственных объектов и гипер-объектов в новой метафизике. Постулируется необходимость замещения проблематики простых объ-

ектов гипер-объектами ссылаясь на события происходящие в глобализованном мире.

Ключевые слова: гипер-объект, инструментальный анализ, косвенная реконструкция, новая метафизика, объект

Kovalets M. Correlation between objects and hyper-objects in new metaphysics

The correlation is analyzed between ideal, real, sensual objects and hyper-objects in the new metaphysics. Postulated the need to replace the common objects by hyper-objects referring to the events which take place in the globalized world. The actuality of learning the correlation of objects and hyper-objects in new metaphysics is explained by the necessity to show their real interaction based on refusal from dogmatic picture of the world. Mechanisms of dogmatism don't work in the XXI century. New metaphysics is entirely absorbed into correlative interaction between ideal (sensitive), real objects and hyper-objects. This problem is realised in contemporary philosophical trend – speculative realism, particularly, in the book by Graham Harman «Heidegger and the Metaphysics of Objects», in the article «On vicarious causation», and in the main work by Timothy Morton «Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World». Harman transforms the ideal objects of Husserl, who studies them in his «Logical Investigations», into sensitive objects and adds some new characteristics to them. The real objects, investigated by Heidegger in his book «The Origin of the Work of Art» are transformed into tools by Harman with the help of Heidegger's toolanalysis. At present the final chain of objects is ended by hyper-objects represented in new metaphysics of Morton. The subject of this investigation is new metaphysics oriented on objective relations. Object is the correlation of objects inside new metaphysics. Objective is to show the constitutive aspects of new metaphysics as the project of liberating from classical dogmatism. Thus, constitutive aspects of new metaphysics as the project of liberating from classical dogmatism are found in correlative interaction of objects originated in classical picture of world and objects evolutioned in the artifacts of new rationality or hyper-objects. These sensitive objects or the ideal ones, which were classified in intentional subjectivity at the beginning of the XX century, are investigated in philosophy of intersubjectivity of Husserl and in conception of sensitive objects of Harman. On the other hand Heidegger's teaching on real objects contradicts to these ideas. Real and ideal (or sensitive) objects don't work against each other, more than that they complement each other. Such interaction of objects lead to a new paradigm of relations shown in object-oriented philosophy of Harman. The globalization of modern philosophy stresses on the idea that we cannot contemplate on objects without paying attention to the arising of new phenomenon in new metaphysics – the phenomenon of hyper-objects.

Key words: hyper-objects, toolanalysis, vicarious reconstruction, new metaphysics, object

Надійшла до редколегії: 30.03.2014

УДК 378.4(73)''19''

О. М. Кузьменко

Київський університет імені Бориса Грінченка

АМЕРИКАНСЬКІ КОНЦЕПТУАЛЬНІ МОДЕЛІ УНІВЕРСИТЕТУ ХХ СТ.: СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКИЙ АНАЛІЗ

Проаналізовано концептуальні моделі ідеального Університету американських дослідників: Т. Веблена, К. Керра, А. Флекснера, Р. Хатчінса; визначено ті характеристики класичних моделей ХІХ ст. (В. фон Гумбольдта та Дж. Ньюмена), які лягли в основу даних концепцій; осмислено нові завдання, ідеали та цінності Університету ХХ ст., які були сформовані під впливом загальної кризи науки, філософії прагматизму та взаємозв'язків між освітою, наукою і бізнесом; визначено основні ознаки нового історичного типу Університету, який у кінці ХХ ст. постає не тільки як професійна вища школа та дослідницький інститут, а і як центр освітніх послуг та суспільних трансформацій.

Ключові слова: модель Університету, ідеал освіченості, місія та завдання Університету, новий історичний тип Університету.

ХХ ст. стало тріумфом людини-маніпулятора, яка поставила під контроль різні види природної енергії та суспільні інститути. Філософи відкрили непізнаваність світу; психологи – ірраціональну природу людини; антропологи, соціологи, економісти – несумірність соціальних явищ у порівнянні з людським розрахунком [5, с.935]. У різних інтелектуальних осередках почали лунати запитання: куди, в ім'я яких цілей, у відповідності з якими цінностями безладно рухається метушливе людство. На цьому фоні по-новому почали формуватися й цілі, цінності та ідеали вищої освіти.

До осмислення ідеї Університету у свої працях зверталися Ю. Габермас «Ідея